Урал в событиях 1917-1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Мат-лы регионального научного семинара. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 32-47.

Костогрызов П. И.

Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале (октябрь 1917 – март 1918 гг.)

К октябрю 1917 г. Уральская область была одним из самых «большевизированных» регионов России, а уральская организация РСДРП(б) – одной из самых сильных – она насчитывала около 30 тыс. членов. Не случайно Уралу в планах ленинского руководства отводилась весьма важная роль: он должен был послужить «запасным плацдармом» для захвата власти в стране на случай провала первой попытки в столицах[1].

Однако и силы, противостоящие большевикам, нашли здесь себе опору, и антибольшевистская борьба, начавшаяся практически с первых же дней после октябрьского переворота, продолжалась, не утихая, пока не переросла в полномасштабную гражданскую войну.

Действия, предпринятые уральскими большевиками для захвата власти, встретили серьезное сопротивление. Его формы и интенсивность варьировались в зависимости от соотношения сил в каждом конкретном случае от отказа сотрудничать с новой властью до вооруженных выступлений.

Сравнительно легко большевикам удавалось взять власть в горнозаводских районах с высокой концентрацией рабочих, поддерживавших их. Как правило, в заводских поселках и небольших индустриальных городах советы рабочих и солдатских депутатов, в которых большевики составляли подавляющее большинство, сразу по получении известия о перевороте в Петрограде объявляли о переходе к ним всей полноты власти. Так, до начала ноября власть в свои руки взяли все советы Екатеринбургского, 11 из 20 – Верхотурского и 6 из 8 Красноуфимского уездов[2]. Почти не встречая сопротивления, большевизированные советы взяли власть и в большинстве заводских районов Уфимской губернии: Симском, Миньярском, Аша-Балашовском, Усть-Катавском. Промышленный Ижевск стал единственным городом Вятской губернии, где власть большевистского совета утвердилась сразу после переворота и мирным путем.

Однако из этого правила были исключения. Например, на Богоявленском заводе «местная интеллигенция резко отмежевалась от рабочих, наскоро сколотивших власть», и пыталась «противопоставить (им) свою силу», вооружившись дробовиками[3]. Маловероятно, чтобы на заводе было достаточно «интеллигенции», чтобы противопоставить хоть какую-то реальную силу «рабочим», так что можно предполагать, что либо сопротивление большевикам пытались оказать более широкие слои

населения, либо за ними шли далеко не все рабочие. Источник не сообщает, чем закончилось противостояние, но, вероятно, обошлось без вооруженного столкновения. В Верхне-Уфалейском округе «была попытка организовать контрреволюцию со стороны солдатской организации, которая затем была распущена»[4]. В Миассе наряду с советом до января 1918 г. действовали органы Временного правительства. Для установления единовластия большевистского совета из Челябинска прибыл отряд красногвардейцев под командованием С. Я. Елькина. Боевых действий ему вести не пришлось: демонстрации сил оказалось достаточно для захвата власти[5]. Кроме того, в советах некоторых заводов (например, Белорецкого, Саткинского, Кусинского) большевики составляли меньшинство. В таких случаях им приходилось добиваться перевыбора советов, о чем речь пойдет ниже.

Со значительным трудностями пришлось столкнуться большевикам в крупных городах, где промышленный пролетариат не составлял большинства населения. В Екатеринбурге, где большевистскими были не только советы, но и городская Дума, уже утром 26 октября городской совет объявил о переходе к нему всей власти в городе, а Уральский областной совет призвал другие советы Урала брать власть в свои руки. Захват власти екатеринбургскими большевиками сопровождался не только отстранением всех представителей старой администрации, но и наступлением на свободу печати – была закрыта кадетская газета «Зауральский край».[6] На почту, телеграф, железнодорожную станцию были направлены комиссары. Уже через несколько дней по призыву Викжеля забастовали служащие почты, телеграфа, телефона и преподаватели всех учебных заведений города. Екатеринбург оказался в информационном вакууме, поползли слухи о падении ленинского правительства в Петрограде. Большевики пытались наладить работу телеграфа своими силами: «на почту пришел отряд людей, которые были более или менее знакомы с аппаратами, во главе с…комиссаром почты…Кто-то привел (директора почты) с винтовкой к аппарату и заставил показать, как работать. К утру мы соединяли наши советские учреждения. Утром пришла толпа барышень и учащихся с камнями. Стали кидать камни в окна и двери и встретили нас, как штрейкбрехеров», – вспоминала Р. Юровская[7].

Эсеры вышли из исполкома совета, потребовав создания в городе «однородной социалистической власти…без диктатуры одной партии»[8]. Большевики вынуждены были пойти на уступки: 31 октября в Екатеринбурге был образован коалиционный революционный комитет, куда вошли по два представителя от исполкомов советов рабочих и солдатских и крестьянских депутатов, партий большевиков и эсеров, профсоюзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, центрального бюро профсоюзов, центрального совета фабрично-заводских комитетов, а также по одному представителю от меньшевиков и Бунда. Одновременно большевики повели среди рабочих и солдат агитацию против коалиционной власти, результатом которой стало проведение 22 ноября «Дня Совета», продемонстрировавшего,

что реальная сила в городе – на стороне совета. Большевик Н. Н. Крестинский объявил, «что ревком закончил свое существование, и власть снова переходит в руки Совета»[9].

Нестандартная ситуация сложилась в Уфе. Здесь борьба происходила не только между большевиками и их противниками, но и внутри самой большевистской организации – между умеренным руководством и более решительно настроенной массой рядовых членов. Власть советов в городе была провозглашена уже 26 октября. В тот же день был образован губернский ВРК в составе пяти большевиков и двух левых эсеров. Но руководство местных большевиков поддерживало требование однородного социалистического правительства. 28 октября совет решил до особого распоряжения центра не упразднять местные органы Временного правительства, а ВРК был «освобожден от своих обязанностей»[10]. Но низовые комитеты РСДРП(б) выступили за более решительные действия, и губком РСДРП(б) и губернский ВРК вынуждены были активизировать борьбу за захват власти[11].С помощью прибывших из Миньярского и Симского заводов красноармейцев были разоружены враждебно настроенные по отношению к большевикам мусульманские части, разогнан губернский комитет общественных организаций (22 ноября), в городе установлен «революционный порядок»[12].

В Уфе, как и во многих других городах, большевики столкнулись с пассивным сопротивлением интеллигенции – прежде всего служащих банков, почт, телеграфа, государственных учреждений. До конца ноября действовал губернский комиссар Временного правительства В. Ф. Герасимов. Реальной власти он не имел, но продолжал издавать приказы, которые развешивались по всему городу, что достаточно красноречиво говорит о том, что и власть ВРК была не намного реальнее. Только 30 ноября, с установлением «революционного порядка», Герасимов был арестован[13]. В январе 1918 г. в Уфе бастовали учителя и чиновники. 18 января были арестованы стачечный комитет, исполком служащих Госбанка, уволены все участники забастовки. 20 января из состава совета исключены меньшевики и правые эсеры[14].

В Перми на совещании Уральского окружного Совета рабочих и солдатских депутатов, губернского Совета крестьянских депутатов, командного состава гарнизона и губернского земства 27 октября был образован ревком, в который вошли по три представителя от большевиков, меньшевиков, эсеров. Уже 1 ноября большевики вышли из ревкома и потребовали перевыборов городского совета рабочих и солдатских депутатов, где преобладали меньшевики и эсеры, и объединения его с большевистскими советами Мотовилихи и завода Балашовой. Этого им удалось добиться, и 23 ноября объединенный совет объявил о переходе к нему власти в Перми. В ответ на это 30 ноября исполкомы губернского совета крестьянских депутатов, окружного совета рабочих и солдатских депутатов, губернского земского собрания, главного дорожного комитета,

почтово-телеграфного союза, городские организации эсеров и меньшевиков образовали Совет по управлению губернией, во главе которого встал губернский комиссар Временного правительства Б. А. Турчевич.

Комиссар охраны Пермской железной дороги меньшевик Тукачев попытался разоружить железнодорожников-красногвардейцев, грозя не сдавшим оружие лишением зарплаты. В ответ большевики арестовали самого Тукачева и штаб охраны дороги. В знак протеста меньшевики и эсеры вышли из главного дорожного комитета Пермской железной дороги, где они были в большинстве; туда были кооптированы несколько большевиков, таким образом, этот немаловажный орган также перешел под их безраздельный контроль[15].

Совет по управлению губернией никакой реальной силой не обладал. В городе установилась «диктатура пролетариата»: «По распоряжению совдепа красногвардейцы, члены партии производили обыски и аресты…бывших царских крупных чиновников, жандармов, полицейских провокаторов. Арестовывали капиталистов, купцов, уклоняющихся от уплаты контрибуции, и других контрреволюционных лиц»[16].

16 декабря Пермский губернский съезд советов рабочих и солдатских депутатов принял большевистские резолюции по всем вопросам, в том числе по «главному вопросу революции» – о власти[17].

Провозглашение советской власти в Шадринском и Верхотурском уездах вызвало забастовки служащих (середина января 1918 г.)[18]. В Оханском, Кунгурском уездах также обошлось без активного сопротивления, были лишь «попытки контрреволюционных выступлений» и «контрреволюционная агитация, которая была вовремя остановлена»[19].

Еще более сложной для большевиков была ситуация в тех населенных пунктах, где они составляли меньшинство в советах. В таких случаях им приходилось добиваться перевыборов советов и преодолевать сопротивление не только «антисоветских» сил, но и сторонников советов, имевших, однако, отличное от большевистского понимание их функций.

В ряде мест им это удалось относительно быстро и без прямого насилия. Так, большевики Сатки, Юрюзани и Кусы смогли провести перевыборы Советов, принесшие им большинство, в конце ноября и декабре 1917 г. В Нижнетагильском Совете «меньшевики и эсеры, поддержанные интеллигенцией», выступили против захвата власти большевиками (28 октября 1917 г.); «под руководством большевиков» совет был переизбран[20]. «В Камышлове совет рабочих и солдатских депутатов создал революционный комитет, куда вошли три эсера и два большевика; этот орган стоял на платформе организации «однородного социалистического правительства». Получив помощь из Екатеринбурга, местные большевики мирным путем добились усиления своего влияния в городе. Итогом явилось переизбрание совета, который затем объявил себя единственной властью в Камышлове»[21].

В других случаях процесс «большевизации» советов затягивался. Со значительными трудностями встретились большевики Белорецких заводов. Только 2 марта 1918 г. здесь образовался ВРК во главе с П. В. Точисским. 21 марта он провел перевыборы совета, а 1 апреля совет объявил о переходе к нему всей власти[22]. При этом было арестовано «большинство ответственных служащих заводов и более ярких работников на меньшевистской стороне»[23]. На Верхнетуринском заводе «только в конце мая 1918 г. совет был реорганизован на партийных началах. Беспартийные и правые партии (эсеры и меньшевики) были исключены из совета. В заводе было контрреволюционное выступление. Требовали разоружения Красной Армии, выселения всех приезжих и избиения латышей. При помощи красноармейцев удалось массу успокоить…»[24].

В Вятке большевикам пришлось одновременно бороться за перевыборы советов и подавлять вооруженной рукой сопротивление сторонников свергнутого Временного правительства, возглавляемых губернским комиссаром П. Т. Саламатовым. По его распоряжению был разгромлен местный комитет РСДРП(б). Получив поддержку из Петрограда и Екатеринбурга, вятские большевики 12 ноября организовали военно-революционный комитет, который добился переизбрания совета. 1 декабря совет захватил власть с помощью большевизированных солдат местного гарнизона и отряда питерских матросов[25].

Если же перевыборов добиться не удавалось или они не давали желаемого результата, большевики не останавливались перед вооруженным захватом власти, насильственным разгоном советов, физическим уничтожением или арестами политических противников и установлением прямой диктатуры ревкомов, революционных штабов, прикрываемой фикцией власти вновь «избранных» (в условиях этой диктатуры!) советов.

В Златоусте, где большинство городского совета составляли эсеры, большевики, не получив одобрения внесенной ими резолюции о поддержке Совнаркома, покинули совет и приступили к самостоятельным действиям, направив комиссаров на почту, телеграф и в другие учреждения. 10 ноября почтово-телеграфные служащие забастовали. Исполком совета отозвал комиссаров из учреждений. Прошедшие в декабре перевыборы снова не дали большевикам перевеса в городском совете, но им удалось получить большинство в уездном совете, заседание которого эсеры демонстративно покинули, таким образом, уездный исполком оказался целиком большевистским. Установилось двоевластие большевистского уисполкома и эсеровского горисполкома. Эсеры и большевики вместе участвовали в разоружении казачьих эшелонов, шедших с фронта, и в борьбе против Атамана Дутова[26]. Противоречия вновь обострились после разгона Учредительного Собрания. При содействии горсовета в Златоусте был создан союз фронтовиков, ставший центром антибольшевистских сил. В ночь с 17 на 18 марта 1918 г. отряд красноармейцев из Челябинска под командованием С. Я. Елькина разгромил эсеровскую дружину и союз фронтовиков и

разогнал городской совет, часть депутатов которого была арестована. Челябинцы «организовали из немногочисленных златоустовских коммунистов совет и Красную Гвардию»[27]. Рабочие и торговцы объявили забастовку, в результате которой арестованные члены совета были освобождены[28].

В Красноуфимске Совет долго оставался по преимуществу меньшевистским, в исполком входило три большевика, трое им сочувствующих и 11 меньшевиков. С помощью отряда красной гвардии, прибывшего из Сараны 20 января 1918 г. была разогнана уездная земская управа, после чего в течение недели шли обыски и аресты «контрреволюционеров», а 1 апреля 1918 г. большевики смогли разогнать Совет, и проведя перевыборы, получить большинство в его новом составе[29].

В Чердыни известие о перевороте было получено 27 октября. На следующий день эсеры провели митинг протеста, 29 октября местный совет решил «передачу власти (советам) в данный момент признать вредной для революции», а 14 ноября передал по телеграфу в Пермь и Екатеринбург предложение «о прекращении борьбы между социалистами и необходимости придти к соглашению и созданию однородной социалистической власти всех партий»[30]. По инициативе местного самоуправления, где преобладали кадеты, в конце ноября был создан Народный совет, в который вошли представители всех организаций, кроме Рабочего Союза, в том числе два представителя от совета рабочих и солдатских депутатов. Еще через месяц при Народном Совете организовалась народная дружина – в основном из офицеров и учеников старших классов реального училища, во главе ее встал правый эсер А. Г. Вологдин.

Разгон Учредительного Собрания подогрел антибольшевистские настроения чердынцев: «заговорили все, начиная от мещан до кадетов…защищали Учредительное собрание»[31], эсеры провели митинг в защиту Учредительного Собрания.

Тем временем большевики, которых до октября в Чердыни не было или было крайне мало, накапливали силы. Основной их опорой стали фронтовики. 23 января, когда часть депутатов совета была на съезде волостных и земских управ, большевики оказались в совете в большинстве; воспользовавшись этим, они провели решения об отзыве представителей из Народного Совета и о признании власти Совнаркома. Съезд и штаб народной дружины заявили, что признают только власть Учредительного Собрания и Временного правительства.

Ночью с 23 на 24 января большевики арестовали Вологдина и штаб народной дружины, Народный совет был распущен. Вскоре из Перми прибыл отряд красногвардейцев, совет был переизбран, организована рабочая дружина; по городу прокатилась волна обысков (искали оружие) и арестов. Известных земских и партийных деятелей, а также «белодружинников» приводили на заседание совета, требуя признания советской власти, не признающих отправляли в тюрьму. 25 – 27 февраля прошел первый уездный

съезд советов, в котором участвовали 24 правых эсера и лишь 18 большевиков и левых эсеров с сочувствующими. В исполком прошли в основном эсеры.

В Ирбите октябрьская революция ознаменовалась погромами винных складов и магазинов. Главными участниками погромов здесь, как и в других городах Урала (Перми, Екатеринбурге, Кунгуре, Шадринске, Верхотурье, Троицке, Верхнеуральске) были солдаты, но в Ирбите беспорядки привели к особенно тяжелым последствиям: они сопровождались поджогами торговых складов, магазинов, в пригородных деревнях «на почве дележа и безумного пьянства начались пожары», погибло около 200 человек[32]. В городе был создан Комитет общественной безопасности, спешно организовывались дружины, в которых участвовали все: «буржуазия, мелкобуржуазные прослойки, пролетариат – рабочие местных предприятий, объединенные в Союзе рабочих»[33]. Возглавил Комитет штабс-капитан Огарков, командовал дружиной В. Шевкуненко. Продолжали функционировать старые административные органы: Земская управа, Городская дума и т.д. Первый уездный съезд Советов был проведен только 28 января 1918 г., председателем избранного на нем исполкома стал правый эсер Окулов. Начали избираться волостные советы, ликвидироваться земские управы. В военном комиссариате руководили жандармский ротмистр Любский и комиссары Шошин и Ханов. Большевистская фракция в Совете (4 человека) «добивалась… захвата полноты власти в городе и уезде, изгнания из совета представителей правых группировок, это обостряло отношения, но не доводило до вооруженной борьбы до момента истории с Мирбахом»[34]. К тому времени ирбитские большевики имели собственную значительную военную силу – отряд «интернационалистов-коммунистов» из бывших военнопленных во главе с Мевиусом и Гаксом. С его помощью они арестовали местных военных комиссаров, разоружили сотню ротмистра Любского, а затем и левых эсеров, попытавшихся выступить против них, после чего провели «чистку» совдепа и исполкома «под себя».

В Сарапуле большевистский переворот также был встречен пьяным погромом. Пока большевики митинговали, требуя передать власть совету, солдаты 166 запасного полка захватили винные склады, перепились, открыли тюрьму, выпустив заключенных, в основном уголовников. Начались пожары и грабежи. Офицеры и горожане, организовав самооборону, разоружили солдат. Беспорядки удалось прекратить, и сила теперь была не на стороне большевиков. Только с помощью казанских красногвардейцев, приехавших в город 6 ноября, они смогли разоружить самооборону и захватить власть. Офицеры создали подпольный штаб и начали собирать «белогвардейские» отряды. В конце декабря произошло восстание, возглавленное начальником городской милиции Сморкаловым. Власть перешла к городской думе и комиссару Временного правительства, большевики вынуждены были уйти в подполье. 9 января 1918 г. они устроили митинг и попытались вести набор в Красную гвардию, некоторые из них были арестованы.

Ночью 18 (по другим сведениям 12) января красногвардейские отряды из Казани, Камбарки, Ижевска напали на Сарапул и захватили город. Была установлена власть революционного штаба. Сопротивлявшиеся и «мешавшие работать» расстреливались[35].

А чуть более, чем через месяц, уже сарапульские большевики оказывали помощь своим елабужским товарищам: в ночь с 25 на 26 февраля отряд численностью в 300 человек занял Елабугу, разгромив местную «белую банду»; захваченные в плен руководители сопротивления, среди которых участник событий называет священников Танаевского, Дернова, троих сыновей последнего, купцов Стахеевых, Грибасовых, князей Полчиных, всего около 40 человек, были расстреляны. Было конфисковано, по сведениям того же источника, 10 млн. руб., около 62 пудов золота и серебра, другие ценности. «Неудачно избранный» совет был разогнан, часть депутатов посажена в тюрьму. Вскоре после этого в городе было несколько попыток поднять восстание, которые «беспощадно подавлялись», восстали крестьяне уезда, это восстание также было подавлено[36].

Но наиболее упорное сопротивление большевики встретили на юге Урала. В Челябинске сильная организация большевиков, имевшая большинство в совете рабочих и солдатских депутатов и поддерживаемая многочисленными рабочими, могла рассчитывать захватить власть и подавить возможное сопротивление достаточно быстро. Но вмешательство внешней силы – казаков – спутало планы ленинцев.

Челябинский совет взял власть 26 октября. Была разоружена «реакционная» часть офицеров 171 и 109 полков, «антисоветски настроенные» солдаты распущены по домам, ликвидирована полиция[37]. Красная гвардия захватила Госбанк и разогнала городскую думу. На почту, телеграф, в банки и другие учреждения были назначены комиссары. В ответ на это 30 октября забастовали почтово-телеграфные и банковские служащие, к забастовке присоединились рабочие типографии, которые шли за меньшевиками. В городе образовался Комитет спасения Родины и революции, в который вошли городской голова Семеин, лесопромышленник Лаптев, адвокаты Снежков (кадет), Буромский, Кульчинский[38].

Комитет обратился к казакам Троицкого уезда. Троицкий атаман Токарев выслал против челябинских большевиков отряд есаула Титова, который занял поселок Шершни и предъявил большевистскому руководству ультиматум о роспуске совета, разоружении Красной гвардии и передаче власти городской думе. 2 ноября Исполком совета признал необходимость передачи власти городской думе[39]. Для всех учреждений и организаций восстанавливался прежний порядок деятельности, отзывались комиссары из учреждений[40]. Забастовка прекратилась, казаки ушли. Но Красная гвардия не только не разоружилась, но усилила военное обучение. 20 ноября в город прибыли красногвардейские отряды из Сызрани, Самары и Уфы. В этот же день городской совет вновь объявил о переходе всей власти к нему, дума опять была распущена[41].

До середины декабря продолжалось сопротивление служащих Госбанка: они отказывались работать под контролем большевистского комиссара. 13 декабря Госбанк был оцеплен войсками ВРК, арестованы управляющий, контролер и бухгалтер, закрыты частные банки. На следующий день банк заработал, в него был допущен комиссар – в обмен на освобождение арестованных[42].

Оренбургское казачье войско стало главной силой антибольшевистского сопротивления на Урале в конце 1917 – начале 1918 гг.

Казаки отличались от других слоев населения «более сильным хозяйством, устойчивыми сословными традициями, особенностями быта, наличием своих органов власти и представляли собой значительную политическую и военную силу»[43]. Все это делало их, с одной стороны, средой, менее восприимчивой к агитации большевиков, чем рабочие, солдаты и крестьяне, а с другой – грозным противником для тех, кто попытался бы силой навязать им свою волю. Хотя казачество отнюдь не было едино по отношению к новой власти, и основная его часть сохраняла нейтралитет, большевикам пришлось вести настоящие военные действия против отрядов Атамана Дутова, разгромить которые им удалось лишь в апреле 1918 г.

Получив известие о свержении Временного правительства, губернский комиссар Н. В. Архангельский сложил с себя полномочия и передал власть войсковому Атаману А. И. Дутову, который издал следующий приказ: «…Войсковое Правительство считает захват власти большевиками преступным…(оно) окажет полную поддержку коалиционному Временному Правительству»[44]. Другим приказом все «казачьи полки Оренбургского Казачьего Войска, находящиеся на фронте и в других городах, обязывались «прибыть на территорию войска с оружием в руках»[45]. Городская Дума Оренбурга в резолюции 28 октября объявила большевистский переворот «преступной и предательской авантюрой», потребовала «возвратить власть Временному Правительству и Совету Республики», призвав граждан города, «сохраняя полное спокойствие, противодействовать всяким контрреволюционным призывам»[46]. Город был объявлен на военном положении, в общественных местах появились караулы[47]. Был образован Комитет спасения Родины и революции, куда вошли представители политических партий от кадетов до меньшевиков, городского и земского самоуправления и Атаман Дутов. Возглавил его городской голова Барановский – эсер. Войсковое правительство объявило мобилизацию казаков и одновременно распустило по домам солдат городского гарнизона, зараженного большевизмом.

7 ноября было арестовано шестеро большевиков. Рабочие нескольких предприятий объявили забастовку, требуя освободить их. 14 ноября на расширенном заседании совета был по предложению большевиков создан ВРК во главе с С. М. Цвиллингом. Это вызвало мгновенную реакцию правительства: заседание в полном составе (свыше 100 человек) было арестовано. Большинство арестантов вскоре отпустили, а 30 человек

посадили в тюрьму. В ответ на это к забастовке присоединились и рабочие ранее не бастовавших предприятий, общее число участников забастовки достигло 7000. Она продолжалась и после того, как арестанты бежали из тюрьмы. Правительство пыталось приводить рабочих на заводы под конвоем, но и это не дало результата. 3 (16) января 1918 г. Атаман обратился с воззванием к населению города: «Все, кто знает слесарное дело, кто умеет исполнять обязанности паровозных машинистов, кочегаров, – все идите на помощь железной дороге»[48].

Казачество отнюдь не было едино по отношению к большевикам и войсковому правительству. Расчет на приходящие с фронта полки не оправдался, так как они устали воевать и в значительной своей части были заражены большевизмом. В самом Оренбурге три запасных казачьих полка в середине декабря выразили недоверие Атаману Дутову и потребовали образовать совет казачьих, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[49]. Один из них был разоружен, оружие роздано горожанам и старикам Донецкой станицы.

Атаман приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи: гимназистов, реалистов и семинаристов, которые шли в отряды охотно. Из Москвы прибыло 120 переодетых офицеров. В станицах создавались дружины из стариков, малолетков и неспособных к военной службе. Вооружались они чем попало: старыми берданками, дробовиками, шашками, самодельными пиками, топорами, нагайками и просто палками. Самой боеспособной частью, на которую мог полагаться Дутов, было Оренбургское Казачье Военное Училище. Чтобы выйти из затруднений с вооружением, обмундированием и продовольствием, Комитет Спасения Родины и Революции обратился за помощью к оренбуржцам. Купечество и зажиточные горожане особой щедрости не проявили. Вообще неказачье население области, «особенно мещанство и мелкий торговый люд…к борьбе казаков с большевиками относилось совершенно равнодушно… Так называемые буржуазные классы … считали, что драться с большевиками должны военные … Городская интеллигенция – в лице чиновников, учителей, отставных офицеров – прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации самообороны не принимала… Духовенство…держалось в стороне. Станичная полуинтеллигенция…начала усваивать большевистскую психологию. Рабочие города Оренбурга…были настроены революционно-бунтарски. Все их симпатии были на стороне большевиков»[50].

К 20-м числам декабря большевики сосредоточили в Челябинске крупные силы, состоявшие не только из красногвардейцев, но и регулярных частей, в том числе балтийских матросов, и повели наступление на Троицк, который после двух крупных боев (под станциями Еманжелинская и Нижне-Увельская) им удалось занять 25 декабря. В городе установился «строгий революционный порядок»[51]: «обыски, аресты, конфискации, национализации, штрафы, лошадиные поборы стали обычным делом»[52].

Во второй половине декабря в Оренбурге собрался Войсковой Круг, на который съехались депутаты от станиц и строевых частей. С первых же заседаний Круг разделился на две неравные части: большинство – стариков и меньшинство – фронтовиков, старавшихся доказать, что стоит только убрать Атамана Дутова, как борьба прекратится, и с большевиками можно будет договориться. Но Круг не пошел за ними, подавляющим большинством голосов он постановил: советскую власть не признавать, борьбу с большевиками продолжать. Полковник Дутов был вновь избран войсковым Атаманом, было сформировано Войсковое Правительство[53].

Никакой реальной силы для борьбы с большевиками Круг в распоряжение Дутова не дал, да и не мог дать. Основная тяжесть борьбы в начальный период легла на офицеров, юнкеров и добровольческие отряды, станичные дружины были малобоеспособными и при первом случае расходились по домам.

Оренбург был осажден со стороны Самары и Актюбинска, в самом городе большевики подняли рабочих на восстание, и 18 января 1918 г. город был сдан.

Атаман с отрядом в 200 человек прорвался в Верхнеуральск, часть офицеров, юнкеров и добровольцев ушла в Уральск, остальные разошлись по станицам. 28 января был созван чрезвычайный Войсковой Круг, который утвердил решения предыдущего, но Правительство опять не получило никаких реальных средств. Было принято воззвание к населению, призывавшее вооружаться и выступать против большевиков. Круг наметил также ряд финансовых мер (заем защиты Войска, налоги, переход доходов от добычи ископаемых в распоряжение Войска и др.), но они остались на бумаге[54]. По свидетельству участника событий генерала И. Г. Акулинина, «на этом этапе население активного участия в борьбе не принимало, за исключением ряда «верных и стойких» станиц: Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской»[55]. Из-под Троицка в Верхнеуральск прибыл партизанский отряд войскового старшины Мамаева: образовались еще три отряда добровольцев: подъесаулов Бородина, Михайлова и Енборисоа. Наиболее надежное и боеспособное ядро дутовских сил насчитывало около 300 сабель. Со станичными дружинами набиралось 1500 – 3000 человек. В боевых стычках главной целью партизан было добыть боеприпасы.

7 марта Дутов переехал в станицу Краснинскую, 25 марта красные заняли Верхнеуральск. После безуспешных попыток отбить его, предпринятых 28 – 29 марта, казаки закрепились в треугольнике между Челябинском, Троицком и Верхнеуральском[56]. Несмотря на ряд выигранных боев, общее положение отрядов Дутова ухудшалось: силы большевиков росли, а партизан – таяли. 17 апреля 1918 г. дутовцы были вынуждены отступить с территории Оренбургского войска в Тургайские степи.

Говоря о захвате большевиками власти на Урале и об ответных действиях антибольшевистских сил, следует, прежде всего, указать на

некорректность отождествления понятий «советская власть» и «большевистская власть» (по крайней мере, в первые месяцы после Октябрьского переворота), которые не различала историография советского периода, говорившая о «триумфальном шествии советской власти», имея в виду именно установление единовластия ленинской партии (участие в этом процессе левых эсеров мало существенно – они были «младшими партнерами» большевиков и самостоятельной роли не играли). Приведенные нами факты говорят о том, что целью переворота для большевиков было установление своей партийной диктатуры, а советы являлись лишь наиболее удобным инструментом для этого. Когда по тем или иным причинам они таким инструментом быть не могли, большевики отказывались от принципа «советской власти». Так было летом 1917 г., когда по настоянию В. И. Ленина РСДРП(б) «временно сняла» лозунг «Вся власть советам!», так было и во время «триумфального шествия» в тех случаях, когда советы не соглашались становиться органами «диктатуры пролетариата» (т.е. диктатуры ленинской партии). Если не удавалось добиться большинства в совете демократическим путем, большевики прибегали к разным формам давления – от относительно мирных (демонстрация сил) до вооруженного захвата власти «ревкомом», «военно-революционным комитетом» или «революционным штабом», разгона существующего совета (т.е. *свержения* «*советской власти*»!), устранения политических противников (путем физического уничтожения или арестов) с последующим проведением «контролируемых» перевыборов совета.

Таким образом, свои «октябрьские (чаще – декабрьские, январские и т. д.) перевороты» произошли в конце 1917 – начале 1918 гг. во многих городах и заводах Урала. Причем, для успеха «вооруженных восстаний» большевикам не требовалось создавать перевес сил в свою пользу в каждом населенном пункте: эти силы можно было перебрасывать с места на место по мере надобности. Из девяти упоминаемых в статье случаев насильственного захвата власти в семи решающую роль сыграли *приезжие* красногвардейские отряды (или даже «краса и гордость революции» – балтийские матросы). Нельзя не отметить и такое изобретение большевиков как создание отрядов «интернационалистов» – т.е. иностранных граждан, прежде всего военнопленных первой мировой войны.

Антибольшевистское сопротивление на этом этапе, в основном, сводилось к противодействию узурпации власти «партией государственного переворота». Противники большевиков выступали под лозунгом либо «однородной социалистической власти», либо поддержки законного Временного Правительства. Первой линии придерживались, в первую очередь, «советские партии» – эсеры и меньшевики. *Небольшевистская советская власть* существовала в некоторых городах Урала довольно долго после октября. Вторая позиция была ближе более правым силам – Оренбургскому Войсковому Правительству, чердынскому самоуправлению, возглавляемому кадетами, и, конечно же, органам свергнутого правительства

с губернскими комиссарами во главе. Однако, сторонники этих двух позиций охотно сотрудничали друг с другом в различных органах (Комитетах Спасения Родины и Революции, Комитетах Общественной безопасности и т.д.), создававшихся так же, как и отряды самообороны, для противодействия не только большевикам, но и просто хулиганам и погромщикам (в этом качестве чаще всего выступали солдаты). Таким образом, главной для противников большевизма была приверженность мирному, демократическому пути развития революции, а не тому или иному варианту этого развития.

По характеру сопротивление могло быть активным – от забрасывания камнями большевиков-штрейкбрехеров до полномасштабных военных действий или пассивным – забастовки (в основном, служащих – телефонистов, преподавателей и т.д.), митинги протеста (сюда относится и сопротивление верующих осуществлению декрета об отделении церкви от государства).

Минимальное сопротивление встретили большевики в промышленных центрах, в населении которых большую долю составляли рабочие, поддерживавшие в этот период РСДРП(б), (хотя и здесь были исключения), максимальное – в мещанско-купеческих городах (таких как Чердынь, Ирбит, Елабуга) и – особенно – в области Оренбургского Казачьего Войска.

Причины поражения антибольшевистского сопротивления на начальном этапе – в его неорганизованности – не было политической силы, координирующей действия противников большевизма в пределах более-менее значительного региона; раздробленности – даже там, где антибольшевистские силы одерживали временную победу, они не расширяли свою «сферу влияния», не устанавливали связи с потенциальными союзниками в соседних городах и уездах; безынициативности – за редким исключением, все антибольшевистские акции предпринимались в ответ на те или иные действия большевиков.

От этих недостатков было, в значительной степени, свободно движение части оренбургских казаков, возглавляемое Атаманом Дутовым. В силу сословных особенностей казачества оно было наиболее активным и организованным на Урале и представляло наибольшую опасность для большевизма. Однако, на начальном этапе борьбы оно не смогло привлечь на свою сторону широкие массы казаков, особенно, фронтовиков, уставших от войны и поддержавших большевиков за их «мирную» политику, и потерпело поражение.

---

[1] Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 86.
[2] Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997. С. 105.
[3] Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО) ф.41, оп.2, д.16, л.90.
[4] ЦДООСО ф.41, оп.1, д.65, л.32.
[5] Лисовский Н. К. Указ.соч. С.130

[6] Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ соч. С. 102.
[7] ЦДООСО ф.41, о.1, д.150, л.17.об. – 18.
[8] Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ. соч. С.102
[9] ЦДООСО ф. 41, оп. 2, д. 28, л.7 – 8.
[10] Лисовский Н. К. Указ. соч. С.91; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Уфа, 1957. С. XXI.
[11] Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ.соч. С. 106.
[12] Лисовский Н. К. Указ. соч. С. 91; Подготовка и проведение… С.XXI.
[13] Центр документации по новейшей истории Челябинской области (далее – ЦДНИЧО) ф.596, оп.1, д.140, л.50; Подготовка и проведение…С.246.
[14] Подготовка и проведение…С. 263 – 265.
[15] ЦДООСО ф. 41, оп.2, д.203, л.18.
[16] там же
[17] Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С.138.
[18] ЦДООСО ф.41, оп.1, д.108, л.41; там же, д. 65, л. 34.
[19] ЦДООСО ф.41, оп.1, д.65, л.35.
[20] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.56, л.30.
[21]Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ. соч. С. 105.
[22] Подготовка и проведение…С.290.
[23] ЦДНИЧО, ф.596, оп.1, д.85, л.4.
[24] ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 65, л.34.
[25] Попов Н. Н., Бугров Д. В. Указ.соч.С.106.
[26] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.16, л.85 и оп.1.д.77, л.180 – 181.
[27]ЦДООСО ф.41, оп.2, д. 46, л. 74 и д.18, л.40об.
[28] Там же, оп.1, д. 77, л.181об.
[29] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.53, л.5.
[30] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.80, л.9 – 11.
[31]Там же, л.30.
[32] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.200, л.41об – 42.
[33] Там же.
[34] Там же, л. 44
[35] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.91, л.38, 45; д.16, л.103.
[36] там же, д.16, л.103об.
[37] ЦДООСО ф.41, оп.2, д.181, л.8.
[38]ЦДООСО ф.41, оп.2, д.16, л.62, 63.
[39] Лисовский Н. К. Указ. соч. С.94.
[40] «Союзная мысль», Челябинск, 1917, № 169.
[41]Лисовский Н. К. Указ. соч. С. 96 – 97.
[42]«Союзная мысль», 1917, №№ 197, 198.
[43] Машин М. Д., Семьянинов В. С. Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991. С. 18 – 19.
[44] Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937. С. 33.
[45] Машин М. Д., Семьянинов В. С. Указ. соч. С.20.
[46] ЦДНИЧО ф. 596, оп.1, д. 128, л.1.
[47] Там же, л.2.
[48] Машин М. Д., Семьянинов В. С. Указ соч. С. 25.
[49] ЦДНИЧО ф.596, оп.1, д.158, л.74 – 78.
[50] Акулинин И. Г. Указ. соч. С. 38 – 39.
[51] Лисовский Н. К. Указ соч. С. 119.
[52] ЦДНИЧО ф.596, оп.1, д.158, л.86.
[53] Акулинин И. Г. Указ. соч. С. 41 – 43.
[54] Там же. С. 44 – 49.
[55] Там же. С.51.
[56] Лисовский Н. К. Указ соч. С. 138.